

Источник: Шубкин В. Н. Ночь после выпуска / В. Шубкин // Начало пути : проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы / В. Шубкин. – Москва, 1979. – С. 83–114.

НОЧЬ ПОСЛЕ ВЫПУСКА

Что я такое? Разум ничего не говорит на эти вопросы сердца. Отвечает на это только какое-то чувство в глубине сознания. С тех пор как существуют люди, они отвечают на это не словами, то есть орудием разума, частью проявления жизни, а всей жизнью.

Л. Н. Толстой

Чем больше мы в ходе нашего социологического исследования вникали в проблемы молодежи, тем яснее становилось нам, что наш анализ ограничен, что есть такие нравственные и духовные глубины в жизни юношей и девушек, которых не постигнешь с помощью традиционных научных методов. А без анализа их наше исследование не было бы комплексным, не затронуло бы те аспекты жизни молодежи, без которых обойтись нельзя. И мы обратились к литературным произведениям, в которых писатели, используя свои методы и свои подходы, ведут исследования этих же проблем.

Из произведений нашей художественной литературы последних лет наиболее остро и полемически поставлены эти вопросы, как нам кажется, в повести Владимира Тендрякова «Ночь после выпуска»¹, которая не случайно вызвала дискуссию как в литературных, так и в научных журналах, огромный интерес читателей и зрителей (она была поставлена в ряде театров) и, безусловно, многое дает если не для ответов, то для уяснения социальных и нравственно-философских проблем, с которыми сталкивается молодежь сегодня.

¹ «Новый мир», 1974, № 9.

НЕ ПО СЦЕНАРИЮ

Повесть «Ночь после выпуска» на первый взгляд подчеркнута схематична. Выпускной вечер с торжественной частью, с речью директора и ответным словом лучшей ученицы вдруг несколько отклоняется от традиционного сценария, когда Юлечка Студенцева неожиданно сказала:

«...Школа заставляла меня знать все, кроме одного — что мне нравится, что я люблю. Мне что-то нравилось, а что-то не нравилось. А раз не нравится, то и дается трудней, значит, этому не нравящемуся и отдавай больше сил, иначе не получишь пятерку. Школа требовала пятерок, я слушалась и... и не смела сильно любить... Теперь вот оглянулась, и оказалось — ничего не люблю. Ничего, кроме мамы, папы и... школы. И тысячи дорог — и все одинаковы, все безразличны... не думайте, что я счастливая. Мне страшно. Очень!»

Юлечка двинулась к своему месту, и все сделали вид, что так и надо, и вечер шел как положено. И лишь потом, когда выдохлась запрограммированная официальная часть, оставшиеся в школе шесть педагогов вспомнили и горячо заспорили о Юлечкином выступлении. А шесть юношей и девушек, вооружившись «пушечным ядром» — бутылкой «Гамзы» в плетенке, в городском сквере на берегу реки стали говорить по-своему о своем.

И пошли короткими главками две линии: учителя в учительской и выпускники на берегу реки, там где кончаются городские огни.

Одна из проблем, которым посвящена повесть, — это выбор профессии, жизненного пути. Слов нет, проблема значительная. Особенно сейчас. И видимо, уже давно она интересует В. Тендрякова. Больше десяти лет назад я выписал из его статьи в «Литературной газете»: «Сде-

лать выбор... Наверное, вся учеба ребенка должна сводиться к этому — как выбрать дело всей жизни. То дело, к которому больше всего предрасположены его природные способности, то дело, которое из увлечения может перерасти в страсть, то дело, которым он станет полезен обществу, — профессию, специальность!»¹.

Проблемы выбора профессии. Они архиважны для нашей школы, для общества, для самих детей, для каждого из нас. И ключ к ним двойной: познать себя и познать общество — реальный мир профессий, социальных институтов и отношений, в который ты вступаешь.

Эти вопросы все больше привлекают к себе исследователей: психологов, социологов, экономистов. В разных районах страны проводятся эксперименты по раннему выявлению способностей. На самых высоких форумах все чаще говорят о профориентации и профконсультации. Сама школа начинает все глубже осознавать, что ее функции не только в том, чтобы обучать, но помочь миллионам молодых в выборе жизненного пути.

Только очень наивные люди могут надеяться, что проблемы самоопределения могут быть решены психотехниками или экономистами, ибо не все понимают их многоплановость и глубину. В своей жизни отдельный человек может от чисто экономических проблем, связанных с удовлетворением материальных потребностей, подниматься до социальных и духовных. Впрочем, может и «зациклиться» на одном из первых этапов. А может сразу начинать жизнь по-крупному, с обратных итераций — от поисков смысла жизни к выбору занятия и трудоустройству.

Тендряков вводит нас в эти проблемы сначала очень осторожно. «Словно и не было странного выступления Юлочки Студенцевой... И только, словно сквознячок в

¹ «Литературная газета», 1965, 5 октября.

теплой комнате, среди разгоревшегося веселья — охладивающая настороженность». Но из этого-то и потекли две линии в повести — учителя и ученики.

КАКОЙ БЫТЬ ШКОЛЕ?

Шесть учителей задержались в щедро залитой электрическим светом учительской, куда слегка доносится «жалкий, стертый запах минувшей весны». Шесть выпускников над обрывом, падающим к реке, на границе двух миров — щедрого света и непокоренной тьмы.

В центре спора педагогов конфликт в понимании роли школы сегодня. Смертельно обиделась за всю свою жизнь и за школу, с которой себя отождествляла, старая, не любимая учениками преподавательница литературы Зоя Владимировна. «За наши труды нас очередной раз умыли», «Черная неблагодарность», «Плевков в сторону школы!», «И самое обидное — одернуть, наказать мы уже не можем. Теперь эта Студенцева вне нашей досягаемости!». «Вы против школы поднялись, Ольга Олеговна, — говорит Зоя Владимировна завучу, — а с меня начали. Не случайно, да, да, понимаю. И правы, трижды правы вы: та школа, которой вы так недовольны сейчас, та школа и я — одно целое. Всю школу, какая есть, вам перечеркнуть не удастся...»

«Только она, Студенцева, такая? — возражает Ольга Олеговна. — Другие все целенаправленные натуры? Знают, по какой дороге устремиться? Вера Жерих, знает, Быстрова?.. Да мы можем назвать из всего выпуска, пожалуй, только одного увлеченного человека — Игоря Проухова. Но его увлечение возникло помимо наших усилий, даже вопреки им».

И она категорически формулирует: «...Своим преподаванием вы, Зоя Владимировна, в конечном счете плодите невежд». «Преподносим неустойчивое, испаряющееся,

причем в самой категорической, почти насильственной форме — знай во что бы то ни стало, отдай все время, все силы, забудь о своих интересах». «С одной стороны, устаревшие программы: с другой — косные привычки самих преподавателей, а посередине — школьный завуч».

Зоя Владимировна не представляет себе иной школы. Ольга Олеговна убеждена, что школа должна меняться, что год за годом выпускать людей ничем не интересующихся, ничем не увлеченных — это грозная опасность для общества.

«...Сорок лет одни и те же готовые формулы. Вся литература — набор сухих формул, которые нельзя ни любить, ни ненавидеть. Не волнующая литература — вдумайтесь! — говорит она директору школы. — Это такая же бессмыслица, как, скажем, негреющая печь, несветящийся фонарь. Получается: сорок лет Зоя Владимировна обесмысливала литературу. Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов глаголом жгли сердца людей. По всему миру люди горят их пламенем — любят, ненавидят, страдают, восторгаются. И вот зажигающие глаголы попали в добросовестные, но, право же, холодные руки Зои Владимировны... Сорок лет! У скольких тысяч учеников за это время она отняла драгоценный огонь! Украла способность волноваться! Вы в этом видите пользу, Иван Игнатьевич?!

— Но она еще была преподавателем и русского языка, — возражает директор, — научила тысячи детей грамотно писать. Хоть тут-то признайте, что это немалая заслуга.

— Научить правильно писать слово — и отучить его любить. Это все равно что внушить понятия высокой морали и вызвать к ним чувство безразличия».

Между тем учителя, присутствующие при этом споре, озабочены своим. Павел Павлович Решетников настаивает, чтобы ему дали возможность пестовать тех, кто действительно способен к физике. Иннокентий Сер-

геевич ратует за кинофикацию, которая разгрузит педагогов, позволит им заниматься доводкой и шлифовкой каждого человека в отдельности. Директор Иван Игнатьевич высмеивает их за миражи и напоминает, что за последние годы школа и так изменилась к лучшему.

«О чем вы спорите?! — вновь вмешивается Ольга Олеговна. — Как преподнести знания — механизированным или немеханизированным путем! Юлия Студенцева до ноздрей нами набита этими знаниями, а тем не менее... Снова мне, что ли, повторять: у нас часто формируются люди без человеческих устремлений! А раз нет человеческого, то животное прет наружу вплоть до звериности...»

Главное требование к будущей школе — это не только обучение, но формирование личности.

«— Дадим себе отчет: о чем мы сейчас мечтаем? Только о том, чтобы лучше готовить учеников? Нет! Готовить лучших людей! Мечтаем усовершенствовать человеческую сущность. А об этом мечтали с незапамятных времен. Можно сказать, мечта рода человеческого».

И хотя хмыкнул Решетников: «Не по Сеньке шапка. Задача не школьного масштаба» — все очевиднее становится, что давно декларированная цель, которую директор школы формулирует так: «Надели ученика, кроме знаний, еще высокими личными качествами», сегодня острее, чем когда-либо, встала перед нашим обществом, в том числе и перед школой. Это признают не только литераторы, но и педагоги. «Каждый учитель, — пишет директор знаменитой Павлышской средней школы имени В. А. Сухомлинского Н. Кодак в своей рецензии на повесть В. Тендрякова, — работает по-своему, преподает свой предмет и *лишь за него* беспокоится и ответствен, а вот *воспитание человека* идет стихийно»¹.

¹ «Литературная газета», 1974, 20 ноября.

НЕ РАЗБЕРЕТЕСЬ ЛИ ВЫ САМИ?

Тем временем шестеро выпускников откупоривают «пушечное ядро» и поднимают первый тост. «Я, бывший раб школы номер три, пью сейчас за власть над другими! Желаю вам всем властвовать кто как сможет!»

Этот тост поднимает Игорь Проухов, единственный «определившийся человек», признанный школьный художник, который надеется, что написанные им полотна заставят его современников «ненавидеть то, что он ненавидит, послушно любить, послушно негодовать». Конечно, этот тост — полшутливая импровизация признанного «мастера высокого стиля». Но это не просто «хохма». И вряд ли стоит игнорировать то, что он продолжает и как бы раздвигает проблему, поставленную Юлечкой, — кем быть? Психологически он тоже мотивирован: десять лет подчинения, беспрекословного исполнения распоряжений старших не могло не породить у некоторых из выпускников представления о том, что взрослые — это те, кто властвует, что «в жизни ты должен или подчинять, или подчиняться!».

Реакция выпускников на этот тост далеко не однозначна. «За власть? Пусть так! Но извини, Цезарь, я выпью не с тобой» (Генка). «Когда-нибудь, Гена, за власть... за чью-то над собой. Сейчас рано. Сейчас... За свободу!» (Натка). «Надо мной всегда будут властвовать» (Вера). Целая гамма оттенков. И опять на самом краю Юлька: «Игорь, ты сказал, даже мыши подчиняют друг друга. И ты собираешься перенять — живи помышиному, сильный давит слабого? Не хочу!»

Героев повести не перепутаешь друг с другом. Внешне они очень различны: Генка — городская знаменитость, самбист, гроза шпаны из пригородного поселка; Игорь Проухов с его невероятными картинами, немислимыми парусиновыми штанами, измазанными краской; красавица Натка Быстрова; «компанейская девка» Вера Жерих;

сурово озабоченная Юлечка Студенцева; суетливый, хипующий, непревзойденный исполнитель песен Высоцкого Сократ Онучин. Но здесь в этой первой сцене на берегу реки открывается, что все эти юноши и девушки отличны друг от друга не только внешне. В этом тревоги Ольги Олеговны, которую ученики прозвали Вещим Олегом, напрасны: нет, не нивелировала их школа.

Но есть в них и нечто общее — беспомощность. На пороге новой жизни оказывается, что школа не помогла им понять себя, понять мир тысячи дорог, в который они вступают. Если в спорах выпускников тема призвания явно или неявно присутствует постоянно, то в учительской — даже сейчас, после выступления Юлечки, — она вопль вопиющего в пустыне Вещего Олега.

Вот здесь и обнаруживается, что две линии в повести — учителя и выпускники — почти не связаны между собой, они параллельны. За это многие критикуют повесть В. Тендрякова.

В самом деле, что здесь — просчет или продуманная авторская позиция?

Есть такое сложно закрученное социологическое понятие — «инерция ценностных ориентаций образовательных организаций». Второй Европейский семинар по социологии образования был посвящен как раз этой теме, в том числе скрытым ценностным ориентациям образовательных организаций. Если это кратко пояснить, речь идет о том, что время от времени возникает определенный разрыв между официально декларируемыми целями обучения, скажем, в школе и реально внушаемыми ориентациями. Этот разрыв возникает, когда те или иные виды школ, созданные для решения конкретных задач, вступают в противоречия с изменившимися потребностями общества. Между тем преподавательский состав как носитель определенных ценностных ориентаций продолжает вольно или невольно сеять те же семена, которые он привык сеять. И, произнося даже вполне пра-

вильные, «новые» слова, он тем не менее ориентирует по-старому.

Так, видимо, происходит и с нашей средней общеобразовательной школой. Созданная в основном для подготовки молодежи к поступлению в вузы, она, естественно, и имела это в качестве решающего критерия успеха или неуспеха. Однако ситуация в стране изменилась. Сегодня лишь небольшой процент оканчивающих среднюю школу поступает в вузы, а две трети выпускников должны идти после окончания школы непосредственно на производство. И хотя все нужные слова сказаны: о пользе производительного труда, о том, что труд — это дело чести, что всякий труд почетен, но больше всего сама школа по-прежнему все-таки гордится теми, кто поступил в вуз. Из этого суженного, традиционного понимания функций среднего образования вырастает недооценка новой, очень важной роли школы как главного советника молодежи в выборе профессии, в самоопределении, в поисках призвания.

«Сейчас, — отмечает кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров, — почти все дети, поступающие в среднюю школу (96 человек из 100), оканчивают ее, причем в вузы попадает не более 20 процентов, а остальные выпускники в большинстве своем вступают сразу же в самостоятельную трудовую жизнь. А это значит, что ребятам крайне необходимо иметь не просто профессиональную ориентацию в ее книжной, порой далекой от реальной жизни форме, а вполне определенные практические навыки, первоначальную подготовку к тому или иному виду труда.

Однако мы пока еще не добились такого положения, когда бы столь нужное и важное воспитание учащихся при помощи труда и в процессе труда повсеместно воспринималось и осуществлялось с такой же обязательностью, как, скажем, общеобразовательная учеба с ее научно

обоснованной программой, развернутым планом, четкой организацией, проверкой и оценкой знаний. Ведь это же факт, и факт, наводящий на серьезные размышления, что под влиянием школы профессию выбирает пока лишь только каждый пятый ее выпускник. В то же время четверо из пяти имеют смутное представление о том, чем они будут заниматься после окончания школы. Такой весьма невысокий коэффициент полезного действия профориентационной работы объясняется тем, что в ряде школ принцип политехнизма, по-видимому, воспринимается не более как общепринятая декларация, которая не обязательно должна быть руководством к действию»¹.

Игнорировать такие противоречия означало бы исказить действительные проблемы нашей школы. Напротив, не лакировка, а вскрытие, понимание их способствуют осознанию новых задач, когда проблемы воспитания, подготовки к вступлению в самостоятельную трудовую жизнь стали одной из главнейших задач школы.

Изменение целей требует изменения методов и подходов. Это предполагает не зубрежку, а стимулирование самостоятельного мышления, понимания реальных противоречий, изменения самих методов преподавания, которые одновременно должны быть и воспитанием, активным привлечением самих учащихся к обсуждению и решению сложных вопросов. И здесь, может быть, уместно напомнить некоторые подходы К. Маркса к таким вопросам.

«Рошар, безусловно, — писал К. Маркс, — обладает большим — часто совершенно бесполезным — знанием литературы, хотя даже в этом сразу узнал я *alumnus* (питомца. — *Ред.*) Геттингена, который не ориентирует-

¹ XXV съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи. М., 1976, с. 22—23.

ся свободно в литературных сокровищах и знает только, так сказать, «официальную» литературу... Но, не говоря уже об этом, что за польза мне от субъекта, знающего всю математическую литературу, но не понимающего математики?... Если подобный педант, который по своей натуре никогда не может выйти за рамки ученья и преподавания заученного и сам никогда не сможет чему-либо научиться... был, по крайней мере, честен и совестлив, то он мог бы быть полезен своим ученикам. Лишь бы он не прибегал ни к каким лживым уловкам и сказал напрямик: здесь противоречие; одни говорят так, другие — этак; у меня же по существу вопроса нет никакого мнения; посмотрите, не сможете ли Вы разобраться сами! При таком подходе ученики, с одной стороны, получили бы известный материал, а с другой — был бы дан толчок их самостоятельной работе. Конечно, в данном случае я выдвигаю требование, которое противоречит природе этого педанта. Его существенной особенностью является то, что он не понимает самих *вопросов*, и потому его эклектизм сводится в сущности лишь к натаскиванию отовсюду уже готовых *ответов*...»¹

Самостоятельное мышление как в области естественных, так и общественных наук, которое вырабатывается при таких методах преподавания, — важнейшее условие формирования личности. Оно поднимает воспитуемого до уровня воспитателя, преодолевает разрыв между учителями и учениками, который так наглядно обнаруживается и в повести «Ночь после выпуска». Это характерное для домарковского материализма представление о разделении общества на пассивную массу воспитуемых и воспитателей, которые находятся вне социальных условий, основоположники научного коммунизма неоднократно критиковали. «Материалистическое учение о том, — писал К. Маркс, — что люди суть продукты обстоя-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30. с. 517—518.

тельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Он неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна)¹. В знаменитых тезисах о Фейербахе третий тезис был направлен как раз против этого неравенства в воспитательной работе. И чем полнее наша школа реализует эти принципы в своей практической работе, тем успешнее будет соединяться обучение и воспитание, о единстве которых уже произнесено столько хороших речей.

ЗАДАЧКА НЕ ШКОЛЬНОГО МАСШТАБА

Впрочем, будем справедливы к школе. Она одна не может справиться с задачами, решать которые должно все общество. В известном смысле усовершенствовать человеческую личность и правда «задача не школьного масштаба». Даже если отвлечься от биологических, генетических и прочих особенностей и говорить лишь о социальной среде, то и здесь можно выявить достаточно факторов, влияющих на формирование личности.

Ближайшая сфера социального окружения — семья. Она прежде всего лепит ребенка непрерывно, сознательно и бессознательно. Она играет решающую роль в детские годы, до тех пор, пока не появятся друзья, подруги, которые образуют новую сферу социального окружения, конкурирующую с первой и в юношеские годы часто оттесняющую семью, родителей на задний план. Следующий слой — школа, одна из главных организаций, в ко-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 3.

торые включен ребенок, юноша. Чем она формальнее, чем сильнее разрыв между воспитателями и воспитуемыми, чем крепче давят учителя учеников авторитетами, угрозами, наказаниями (вспомним Зою Владимировну), тем сильнее отчуждение ученика от школы, тем меньше ее роль в формировании ребенка. Действие рождает противодействие, и на казенную школу ученик всегда быстро вырабатывает иммунитет, одевается в такую броню, которую не прошибешь ничем. Наконец, молодой человек связан и со всем обществом в целом. Это прежде всего массовые коммуникации: печать, кино, телевидение, радио. И не только они, но и реальные столкновения с обществом — на улице, в магазине, в городе и за городом.

Все эти элементы социального окружения не только спорят друг с другом, они и внутренне противоречивы. Ничто не проходит мимо, все оседает в нашей коре или подкорке. Одни из этих влияний оказываются чисто внешними, другие — скрытыми, третьи проявляются лишь в критических ситуациях. И формирующий воспитательный результат — это своеобразная равнодействующая всех этих влияний.

В четвертой главе В. Тендряков кратко рассказывает о пригородном поселке Индия. «Это экзотическое название произошло от весьма обыденных слов — «индивидуальное строительство», сокращенно «индстрой». Когда-то, еще при закладке комбината, из-за острой нехватки жилья было принято решение — поощрять частную застройку. Выделили место — в стороне от города, за безымянным оврагом. И пошли там лепиться дома — то тяп-ляп, на скорую руку, сколоченные из горбыля, крытые толем, то хозяйские — добротные, под железом, с застекленными террасками, со службами. Давно вырос город, немало жителей Индии переселилось в пятиэтажные, с газом, с канализацией здания, но Индия не пустела и не собиралась вымирать. В ней появлялись новые

жители. Индия — пристанище перекати-поле. В Индии свои порядки и свои законы, приводящие порой в отчаянье милицию». Именно там объявился уголовник, имевший срок «за мокрое», Яшка Топор. «Яшке подчинялась вся Индия. Яшку боялся город».

Город как бы распадается на два социума: городок, где школа, огни, милиция, кино, мороженое, и Индия, где Яшка Топор. С такими урбанистическими парадоксами мы сталкиваемся нередко. Только называется Индия по-разному. В Барнауле она называлась Шанхай. А в небольшом подмосковном городке Ступино — Хап-Городок. Там даже объявления вывешивались: «Продается дом с двумя верандами, участок 8 соток. Смотреть Хап-Городок, ул...» Так и делился город на Соцгородок и Хап-Городок.

Все это имеет прямое отношение к теме нашего разговора. Противоречия, реально существующие в жизни, не могут не находить своего отражения в сознании молодежи, не могут не влиять на формирование личности. Пусть в преобразованном виде, но Индия присутствует в сознании каждого из этих ребят и проявляется порой самым неожиданным образом, в острых ситуациях, на пределе.

Да что Индия! Все элементы социальной среды, все влияния варятся и клокочут внутри каждой из этих личностей. Только это не видно, ибо молодые люди научились вести себя, не раскрывать подлинную шкалу своих ценностей, свои переживания, свои страсти.

Порой недооценивается, что в среде подростков формируются свои понятия о дозволенном и недозволенном, свои тайны, свои лидеры и тираны, свои пределы, переступить которые им страшно трудно. Эта субкультура — серьезный конкурент официальной культуре, и ее влияние на формирование молодых людей недооценивать нельзя.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Учителя — ученики. Две линии, почти не связанные между собой. Но иногда они все-таки не могут не соприкасаться друг с другом. И тогда, словно от замыкания проводов под высоким напряжением, в ночи вспыхивают искры, чтобы на мгновение осветить героев под новым ракурсом.

Проблема поколений все время незримо присутствует в повести: в двух линиях повествования, в обелиске, в педагогах, двое из которых прошли войну, в том, как постоянно примеряют они своих воспитанников к испытаниям своей молодости. «Ты можешь представить нынешних ребят в занесенных снегом окопах где-нибудь под Ельней? Или у нас под Ленинградом, где мы жрали мерзлые почки с берез?» — спрашивают они друг друга.

Вопросы обычные, традиционные, тысячи раз слышанные нами. Только, пожалуй, не вполне корректно поставленные.

Жизнь нашего довоенного поколения не баловала нас альтернативами. Реальная трагедия жизни открывала для нас единственно возможный путь — на фронт, вместе со всем народом. Поэтому, не преуменьшая степени наших жертв и лишений, не будем в то же время преувеличивать сложности наших решений, их нравственного значения. Решения принимала за нас сама жизнь, история. И скажем честно, в чем-то нам было легче: на миру и смерть красна.

Молодым людям, вступающим в жизнь сегодня в отутюженных костюмах и ярких галстуках, о которых мы не смели и мечтать, не легче, чем нам.

Разумеется, экономические, социальные, духовные проблемы были всегда. Только острота, интенсивность их различна. Люди, вступавшие в самостоятельную жизнь в предвоенные годы, хорошо помнят многоднев-

ные очереди за хлебом, за «мануфактурой», карточную систему, перенаселенные коммунальные квартиры и многое другое. Решение элементарных бытовых, экономических нужд (питание, одежда, жилье) для большинства населения было доминантой. Это не могло не влиять на формирование ценностей жизни, на мотивы поведения и критерии успеха. И это если не снимало, то, во всяком случае, оттесняло проблемы всестороннего развития личности, поисков призвания, нравственного совершенствования.

Было бы крайне легкомысленно недооценивать значение экономических бытовых вопросов сегодня. Однако нельзя не видеть, что рост народного благосостояния, насыщение материальных потребностей, развитие образования в нашей стране ведет к существенному изменению системы ценностей жизни нашего населения, и прежде всего молодежи. Это сказывается на многих сторонах жизни и даже находит отражение в важнейших законодательных актах. «Если, например, раньше говорилось о праве на труд, — говорит Л. И. Брежнев, — то теперь это дополняется правом на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой и образованием гражданина, а также — что не менее важно — и с учетом общественных потребностей»¹.

Все это означает, что молодые люди сегодня менее детерминированы, чем представители довоенных поколений. Они имеют значительно больше вариантов, альтернатив. У них расширилась свобода выбора. Они должны все чаще принимать самостоятельные решения, которые к тому же тоньше, острее, сложнее тех проблем, с которыми сталкивались мы. И при этом они должны опираться сплошь и рядом в своем выборе на внутренние нравственные критерии. Но есть ли они у них? Не совер-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6, с. 380.

шается ли здесь переход от трагедии жизни нашего поколения к трагедии свободы?

ТРАГЕДИЯ СВОБОДЫ

В. Тендряков верно улавливает в своей повести то, что сейчас молодежь острее нуждается в нравственных ориентирах, чем предыдущее поколение. И он стремится выявить, каковы же критерии, нравственные ориентиры у сегодняшних выпускников.

Именно для этого неутоленная, рискованная жажда самопознания у юношей и девушек вдруг оборачивается в его повести в полуигру во мнения — что я о тебе думаю? «А до донышка ли мы знали друг друга?», «Давайте расстанемся, чтобы ничего не было скрытого». Возможно, все действительно свелось бы к игре, если бы это был не последний вечер, если бы не Юлькино выступление, если бы Генка не поставил сам себя против всех...

Много споров, вопросов, возражений вызывают эти страницы повести. Допустима ли такая драматизация? Нет ли искусственности в приеме, к которому прибегает автор?

Вряд ли писатель, не обостряя до крайности ситуацию, может вести глубинное исследование человеческих характеров. В противном случае все неизбежно свелось бы к описанию поверхностного, к банальностям. Серьезный писатель всегда аналитик и страстно стремится вскрыть глубинное, не видимое невооруженным глазом. Без этого нет исследования, задача которого именно и состоит в том, чтобы за видимостью вскрыть сущность явления. Это в полной мере касается и литературного творчества, которое всегда есть езда в незнаемое, открытие новых характеров, глубин человеческой души.

Как же пробиться в эти сумеречные тайники?

Сейчас много говорят о всемогуществе науки в XX веке. Да, все это, видимо, так. Биологи с математиками пытаются разработать модель мозга. Кибернетики убеждены, что их компьютеры способны мыслить и даже слагать стихи. Психотехники вроде бы измеряют интеллект с помощью тестов. Только будем откровенны: если уподобить человека айсбергу, то все эти упражнения современной науки в основном касаются видимой части личности, все ищут ключи под фонарем, а они, вполне вероятно, скрыты в темноте, под водой.

Нет, не ученым, вооруженным ЭВМ, синхрофазоциклотронами, батискафами и прочими орудиями современной науки, а писателям, у которых, как и тысячу лет назад, одно оружие — перо, приходится исследовать подводные части людей-айсбергов, проводить мысленные эксперименты в предельной ситуации, выяснять скрытые ценности, подлинные мотивы, нравственные устои.

Уильям Голдинг в своем романе «Повелитель мух» («Вокруг света», 1969, № 7—11), исследуя нравственные устои английской молодежи, создает критическую ситуацию весьма драматически — самолет терпит катастрофу, гибнут все взрослые. На необитаемом острове оказывается несколько десятков детей, которые начинают без взрослых создавать свои порядки. И вот уже вскоре начинается борьба не на жизнь, а на смерть между двумя группками, одну из которых возглавляет разумный, человечный Рольф, а другую — неистовый, жестокий Джек. Но не склонны дети слушать голос разума, и к Джеку в конце концов примыкает большинство. Одиравшая толпа детей и подростков доходит до убийства своих товарищей, преследует Рольфа.

Свобода обнажает замазанный прежде конфликт между звериным и духовным, показывает, каким хрупким является слой культуры, который прежде казался

основой личности каждого из этих подростков. И вот уже коварный вождь Джек разжигает костры ненависти в душе каждого из них. И, заколдованные ритмом дикой песни, сплетаются тела подростков в единый страшный организм. Это и есть тот страшный зверь, который убивает Саймона и Хрюшку, которого по ночам, оставшись наедине с собой, так боится каждый из этих маленьких дикарей. И уже ничего не остается для них, кроме ненависти, страха, преследований и крови.

Как темно сердце человеческое, как тонок слой цивилизации! — хочет сказать своим романом Голдинг. А за ним, за этим тонким слоем, — зверь. Пока тебя сдерживает культура, пока ты не вырван из нее — ты человек. Но вот ты получил полную свободу, ты можешь предаться всем своим страстям, распустить все свои эмоции — все полетело в тартарары: воспитанность, мораль, гуманизм. Ты начинаешь жить снова на уровне первичных рефлексов.

«— А я-то думал, — с удивлением говорит офицер с подошедшего в конце концов к острову корабля, глядя на толпу дикарей, — а я-то думал, что англичане, даже если они дети... ведь вы англичане, верно?.. что англичане способны завести порядки получше...»

В. Тендряков исследует другое общество, у него иные цели исследования, иной подход, иные методы. И, добавим, методы достаточно острые, которые не могут не вызывать вопросов. Все-таки нет ли здесь некоторого литературного форсажа? Неужели действительно взаимные оценки способны вызвать такие страсти?

Несколько лет назад в Академгородке группа научных сотрудников полушутя решила провести социально-психологический эксперимент. Каждый должен был сначала оценить самого себя по целому ряду качеств — интеллектуальных, деловых, волевых, моральных и т. д.. Затем каждый оценивал по аналогичным показателям всех остальных участников эксперимента.

Обследование было практически анонимным: каждый обозначал свою анкету произвольным трехзначным номером. Однако руководитель эксперимента при желании мог выяснить, кто есть кто.

Какие же страсти породил этот эксперимент среди участников — зрелых, остепененных научных работников! Один из участников, используя недозволенные приемы, подсмотрел во время заполнения анкет, что приятель низко оценил его интеллект. За этим последовала целая серия объяснений и скандалов. Другой требовал, чтобы ему сказали, как оценил его качества руководитель данного научного коллектива, который тоже участвовал в эксперименте. Третий пытался через знакомых выяснить, как оценили его друзья, с которыми он связан уже много-много лет.

Впрочем, это неудивительно: взаимные оценки затрагивают самые чувствительные стороны человека. «Чем бы человек ни обладал на земле, — писал Паскаль, — прекрасным здоровьем и любимыми благами жизни, он все-таки недоволен, если не пользуется почетом у людей, он настолько уважает разум человека, что, имея все возможные преимущества, он чувствует себя неудовлетворенным, если не занимает выгодного места в умах людей. Вот какое место влечет его больше всего на свете, и ничто не может отклонить его от этой цели; таково самое неизгладимое свойство человеческого сердца. Даже презирающие род людской, третирующие людей, как скотов, — и те хотят, чтобы люди поклонялись и верили им».

Участникам эксперимента в Академгородке уже вскоре стало ясно, что папка, в которой хранились взаимные оценки членов коллектива, — это бомба, способная взорвать весь коллектив. Поэтому все материалы были трижды перешифрованы так, чтобы никто, даже самые ближайшие сотрудники, проводившие расчеты, не могли знать, кто есть кто и как оценил один другого.

Выпускники в повести В. Тендрякова не ведают, что творят. Они взрывают бомбу, и при свете взрыва автор пристально вглядывается в их изменившиеся лица.

НЕПОКОРЕННАЯ ТЬМА

И вот уже «компанейская девка» Вера Жерих выкладывает напрямик Генке, какой он черствый и толстокожий эгоист. А Юлечка бьет еще хлестче — щедрость его притворная, благородство наигранное, красота фальшивая. Закипает обида у Генки, и пригрозил он своему другу Игорю, а тот «завелся» и ответил взаимностью — рассказал, как Генка выступал на комитете комсомола против картин Игоря, «даже растленность мне вклеил... Ходил в обнимочку, а за пазухой нож держал...».

Но когда и Натка, которую он так любит, говорит: «Жалкий ты, Генка!», то сорвался он, кровь ударила в голову, не ожидал такого, и уже не до игры, а как бы ударить и как можно больнее. На тебе, Вера! Вот тебе, Юлька! Получай, Игорь!

А уж тебе, Натка, любимая, больше всех. «Как раньше любил, так теперь ненавижу!», «Ты просто самка, которая ждет, чтобы на нее кинулись...»

И уже Натка не выдерживает и в ярости бросается на Генку.

Бомба взорвалась и не пощадила никого.

Словно «непокоренная тьма», спрятанная в душе каждого из них, кинула их друг против друга, в первую очередь против Генки, оскорбившего всех.

Кажется, дошли они до края в ярости, обиде и ненависти своей к Генке, но вот Сократ, после того как Генка убежал, вспоминает, что Яшка Топор, которого Генка — опытный самбист — недавно публично бросил на асфальт, готовится убить Генку. И вот уже вопро-

сы — кто я? кем быть? — раздвигают свои рамки и обочиваются острейшим нравственным испытанием.

Первая реакция — ну и пусть! И яростнее всех — Натка. «Жалеть прикажешь? Мне — его? Весь город завтра узнает, пальцами показывать станут: сук-ка!.. Мне жить нельзя, а ему можно? Да я бы его своими руками!.. Не-на-виж-жу!» И Натка требует, грозит, чтобы никто не смел мешать Яшке Топору расправиться с Генкой.

Сократ Онучин добавляет несколько деталей: убийство Генки должно произойти возле карьера, а труп Яшка Топор бросит в яму с кислотой — «там, говорят, какие-то страшные кислоты, все они разъедают — и мясо и кости». И вдруг примелькавшее слово *убить* обретает для них свою подлинную плоть, поднимается во весь свой рост. «Обиженный Генка, обидевший других! Рост сто девяносто, лепное лицо, крутой лоб, белесые брови, волосы светлой волной... И в запретном месте заполненная ядовито зловонными, разъедающими все живое отходами яма. Для Генки. Генка Голиков и яма...»

Пелена спадает с их глаз. Наступает просветление. И вдруг замечают они, что едва не стали соучастниками убийства. А может быть, и стали «маленькими, пятиминутными, но помощниками убийцы», раз согласились молчать, не предупредив Генку о грозящем ему.

Игорь еще ищет самооправдание, но Юлька: «Не лги... Никто из нас ничего не чувствовал... И я тоже. Каждый думает только о себе... И ни в грош не ставит достоинство другого... Это гнусно... вот и доигралась...»

И вот уже качнулась Натка и, с трудом передвигая ноги, прошла мимо обелиска к обрыву искать, спасти Генку Голикова.

Кто же остановил их?

Кто заглушил вырвавшуюся наружу ярость?

«АРТЮКОВ ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ — рядовой

БАЗАЕВ БОРИС АНДРЕЕВИЧ — рядовой
БУТЫРИН ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — старший
сержант...

Обелиск — знакомая принадлежность города. Настолько знакомая, привычная, что уже никто не обращал на нее внимания, как на морщину, врезанную временем, на отцовском лице. Обелиск весь вечер стоял рядом, в нескольких шагах... Сейчас его заметили — отводили глаза и вновь, и вновь возвращались к двум столбцам имен на камне с тусклой, выеденной непогодой позолотой...

Убитые... Умерших своей смертью тут нет. Окаменевшая гордость за победу и память о насилии, совершенном около трех десятилетий назад, задолго до рождения тех, кто сейчас немотно отводил глаза...»

КАК НАУЧИТЬ ДОБРУ?

Обелиск — один из главных героев повести. Он как бы руководит выпускниками в трудную минуту. Убери обелиск, и неизвестно, чем могла бы кончиться эта драма. Обелиск принципиально отличает ситуацию, описанную Тендряковым, от трагедии детей, оказавшихся на необитаемом острове в романе Голдинга. Обелиск — это нравственный ориентир. Он дает право математику Иннокентию Семеновичу с надеждой сказать в конце повести: «Они должны быть добрее нас». «Убитые уже не могут ни любить, ни ненавидеть. Но живые хранят их имена. Для того, наверное, чтобы самим ненавидеть убийство и убийц». Так решает Тендряков важнейшую нравственную проблему своей повести.

Он шел к ней, углубляясь, шаг за шагом. Автор повести начинает как исследователь с внешнего, привычного — выбора профессии. Но он не задерживается на этом.

Ступенька вниз. И вдруг под новым углом зрения, в свете новых критериев поблек прежде драматический накал. И появились новые, куда более острые проблемы.

Путь не окончен. Еще шаг вглубь. И уже эти вроде бы главнейшие проблемы отходят на задний план, а из первобытных глубин, из подсознательного бьют фонтаны неистовой злобы и ненависти. Откуда она, эта злоба, — от Яшки Топора? Или от Зои Владимировны, которая ведь тоже хотела бы отомстить Юльке за ее выступление? От среды?

За рамками повести находится иной мир. Он отнюдь не такой благопристойный, как в школьных учебниках. Там почитается сила, власть. Там хозяйничают шайки. Там свои законы. Этот мир лишь чуть намечен в повести. Но чтобы судить об этих ребятах, нужно обязательно помнить о существовании этого жестокого мира.

Индия и городок, залитые светом, — важный социально-психологический аспект анализа. Но молодые люди в эту ночь не случайно оказались над обрывом, где стоит обелиск. «Обелиск с именами погибших в дальних краях, схороненных в неведомых могилах, стоит на границе двух миров — обжитого и необжитого, щедро света и непокоренной тьмы».

Здесь автор делает новый шаг. Он начинает анализ человека духовного, нравственного.

«Научить бы самому простому, банальному из банального, тому, что повторялось из поколения в поколение, что вошло во все расхожие прописи — вроде уважай достоинство ближнего, возмущайся насилем...» — мечтает Ольга Олеговна.

Она права: это стержень, основа нравственного воспитания. Реши эту задачу — остальное приложится. Только вот почему-то не достало времени человечеству одолеть ее.

Впрочем, рационализаторских предложений хоть отбавляй. «Раз у нас в школе много аморальных поступков — нужно срочно ввести курс этики, — предлагают некоторые. — Тогда мораль сразу поднимется на требуемую высоту». Я слышал такие предложения и невольно представлял себя перед дверью с надписью «Тише! Идут экзамены» десятиклассника, выпрашивающего у товарища: «Старик, ну дай шпаргалку. А то я опять на *совести* засыплюсь!» Каждый раз я удивлялся, как не понимают, не чувствуют авторы таких предложений, что нравственность нельзя выучить, что это слишком тонкая вещь, что она отнюдь не всегда пропущена через рассудок и что, кроме деморализации общества, курс этики в школе ничего дать не может.

«Уважай достоинство ближнего...» Как просто и легко произнести эти слова! Приятно мечтать о том, как однажды появится это новое, нравственное поколение тонких, деликатных, все понимающих людей. Только вот неясно: откуда оно возьмется? Если перечитаешь разговоры в учительской, вспомнишь, как педагоги говорят друг с другом, то не станешь ближе к ответу на этот вопрос. Напротив, невольно приходишь к выводу, что яблоко от яблони недалеко падает: учителя — и не в последнюю очередь Ольга Олеговна, на стороне которой все наши симпатии, — удивительно бесцеремонны, бестактны в отношениях между собой. Трудно сказать, чем порожден этот стиль. Может быть, на заре туманной юности внушили им, что быть принципиальным — значит резать правду-матку в глаза? А может быть, это пришло позднее: агрессивность как форма самозащиты? Или это вид профессионального заболевания? Но чем бы ни было порождено это неуважение достоинства ближнего, очевидно, что при таких способах общения можно не только саму правду зарезать, но и коллег до инфаркта довести.

Но, кроме школы, есть еще и семья. К сожалению,

в повести В. Тендрякова этот важнейший социальный институт, эта колыбель нравственности почему-то игнорируется. Из-за общей ли конспективности изложения? Или потому, что автор полагал, что для семнадцатилетних влияние семьи несущественно, что молодые в основном ориентированы на сверстников?

Даже если это так, то все равно отчуждение это возрастное, временное. Нравственные устои семьи с плюсом ли, с минусом ли, но все равно находят свое отражение в поведении подростков, не говоря уже о том, что взрослые дети обычно возвращаются к ценностям своих родителей и становятся удивительно похожи на них. В любом случае читателю представляется немотивированным и в содержательном и в художественном плане такое самоограничение художника в анализе нравственных проблем молодежи.

Если роль родителей и педагогов в повести вряд ли можно преувеличить, то кто же, что же все-таки формирует нравственное сознание выпускников?

ПРОЧНЫ ЛИ ОПОРЫ?

С социально-психологической точки зрения проблемы нравственного воспитания в значительной степени связаны с конструированием внутренних референтных групп, то есть системы образов, нравственных эталонов, на которые невольно оглядывается, ориентируется молодой человек в своем повседнии, решая, что такое хорошо и что такое плохо.

Мы постоянно живем среди образов не только реальных, но и почерпнутых нами из художественной литературы, которая не случайно в английском языке определяется как fiction. Так бывает во сне. Но нечто подобное происходит и наяву. Ведь в нашем сознании и под-

сознании живут не умирая не только коллеги по работе или соседи по квартире, но Гришка Мелехов и Катюша Маслова, Степан Чаузов и Родион Раскольников и многие другие. Мертвые и живые, герои реальные и вымышленные принимают активное участие в нашей жизни.

Если люди
 в меня входят,
Не выходят
 они из меня.
Колобродят внутри,
 хоровадят,
Сквозь мою немоту гомоня...
Стал немножечко я сумасшедший,
Ибо там,
 в потаенной тени,
Ни одной я не бросил из женщин,
И меня не бросали они.
Воскрешения дружб неуклюжи,
Как стараньем себя ни тирань,
Но терял я друзей
 лишь снаружи,
А внутри
 никогда не терял.

Это верно заметил Е. Евтушенко¹. Только к этому нужно добавить второй, параллельный мир, населенный людьми-образами, созданными нашим воображением. Вот из тех и других отбирает каждый человек группу самых близких, самых дорогих, которые бывают его советчиками на распутье. И если он совершает поступок, который вызвал бы их одобрение, был бы санкционирован ими, он получает огромное нравственное удовлетворение. Напротив, если человек оказался в конфликте со своей референтной группой, для него это — особенно

¹ «Юность», 1975, № 6, с. 36.

если это нравственный человек — связано с внутренним разладом и острыми переживаниями.

Герои художественной литературы — полноправные члены нашей референтной группы. Но стать ими они могут лишь при некоторых предварительных условиях. Прежде всего они должны быть созданы рукою мастера, написаны так талантливо и правдиво, чтобы быть вполне конкурентоспособными по сравнению с образами реальных людей, которых ты встречал в жизни. Малейшее искажение жизненной правды — и ты уже никогда не допустишь героя в свой внутренний мир, в свою референтную группу. И не будет это произведение иметь никакого влияния на твою нравственность. К тому же формирование референтной группы — процесс сугубо интимный. Едва человек чувствует, что им пытаются манипулировать, внедрять кого-то в его внутренний мир, он захлопывается как раковина, чтобы сохранить самое дорогое — себя как независимую личность. И опять от этого произведения и его героев нравственный, воспитательный эффект будет нулевой.

Споры в учительской о преподавании литературы в повести В. Тендрякова при повторном чтении поэтому уже воспринимаются в новом повороте — как разговор о нравственном воспитании. И о том, что нельзя губить ради устаревших программ и формально-бюрократических выдумок этот один из немногих реальных инструментов нравственного воспитания молодежи. Такова одна преимущественно социально-психологическая сторона нравственной проблемы, которую исследует автор повести «Ночь после выпуска».

Но есть еще более глубокий аспект нравственности, который далеко выходит за рамки школы и которого касается автор, стремясь полнее понять, каковы же истоки нравственности у этих семнадцатилетних? Достаточно ли прочны их опоры?

Испокон веков человечество пыталось упрочить опо-

ры нравственности. Для этого были придуманы удивительные способы укоренять их не только в настоящем, но и в прошедшем, не только на земле, но и на небе, в недостижимом, трансцендентном. А уже на них, как на аксиомах, возводить все здание нравственности.

Век просветителей и гуманистов принес надежды, что люди сами по себе растут добрыми, как деревья, и не нуждаются во всех этих сложных сооружениях. Но прошли столетия, и круг замкнулся, вновь стало очевидно: нравственность — важнейшее, необходимейшее условие существования человеческого общества. И ее нельзя строить впопыхах, на неустойчивом, сиюминутном, испаряющемся.

Вечные ценности не валяются на дорогах. Основы нравственности должны быть укоренены в земле предков, в традициях семьи, в могилах отцов и дедов, в нравственных образцах прошлого и настоящего. Забвение, замалчивание прошлого, произвольность оценок лишают человека не только знания истории, но и нравственного чувства. Если рушатся связи, теряется чувство преемственности, уважения к предшественникам, то, значит, все, что до тебя, зря. И сам ты оказываешься духовно гол, и все тебе дозволено, и нет у тебя родины. Новейшая история не раз свидетельствовала, на что оказываются способны люди без прошлого.

В наши дни, или, как говорят в эпоху НТР, когда все так подвижно и текуче, особенно важно сохранение исторической памяти, чтобы не лишать нравственных ориентиров новые поколения. Короткая историческая память не дает прочных устоев. Чем толще культурный слой, чем глубже приходится копать археологам, тем надежнее и прочнее эти опоры. Чем благодарнее, чем протяженнее назад наша память, тем больше шансов, что молодые, столкнувшись с новыми духовными испытаниями, не дрогнут, не отступят.

Это наше счастье, что мы живем не на необитаемом острове, что рядом — дома, улицы, погосты, а под нашими домами культурный слой — этот спрессованный, тысячелетний опыт народа, нравственные опоры нашего самосознания.

Дорожить историей своего народа, впитывать ее, как воздух, знать во всех противоречиях и зигзагах, хранить имена и памятники прошлого — это не забота об эрудиции, а одно из важнейших условий нравственного воспитания новых поколений.